

Хань Хэн не знал кучера. Тётушка Юнь приставила к нему двоих охранников из личной усадьбы — дюжих, дышащих силой молодых. Братья были похожи как две капли воды, особенно кустистыми, сросшимися на переносице бровями. Старшего звали Сюй Фэн, младшего — Сюй Гу.

Экипаж оказался на удивление просторным. Мягкие, пухлые тюфяки обещали сделать несколько дней пути вполне сносными. Вначале Хань Хэн даже приободрился, решив, что сможет развалиться здесь с королевским удобством, но, попытавшись лечь, понял: ворочаться с боку на бок в тесноте повозки — то еще удовольствие. Поерзав, он наконец устроился поудобнее и, подперев кулаком щеку, лениво уставился на Би Гэня.

Би Гэнь вздрогнул под его влажным, подернутым истомой взглядом, напоминавшим лепестки цветущего персика. Пальцы слуги, наливавшего чай, дрогнули, едва не пролив кипяток. Кое-как совладав с собой, он с натянутой улыбкой протянул пиалу хозяину:

— Молодой господин, ну зачем вы так на меня смотрите?..

— Как по-твоему, — протянул Хань Хэн, — когда я был краше: прежде или теперь?

— С-сейчас... — Би Гэнь с перепугу прикусил кончик языка, отчего голос его смешно сорвался.

— Неужто раньше я был настолько дурен собой? Хуже этой безжизненной маски? — Хань Хэн легонько ущипнул плотную, лишенную пор искусственную кожу на лице.

Би Гэнь отвел взгляд, не смея смотреть хозяину в лицо. Персиковый взор Хань Хэна, сияющий лукавым блеском, заставил бы затрепетать даже каменное сердце.

«Тише, тише, — мысленно осадил себя слуга, чувствуя, как ускоряется пульс. — Мне еще жениться надо, нечего тут глупостями голову забивать»

Хань Хэну и впрямь стало любопытно. Каким же был прежний владелец этого тела, если его благородные черты казались Би Гэню хуже заурядной маски? Когда они доберутся до лекаря Лана, нужно будет попросить того вернуть лицу прежний вид, но самую малость подправить. У прежнего Хань Хэна лоб наверняка не был таким идеальным. А вот нынешний череп — круглый, безупречной формы — сидел на нем как влитой, будто Творец изначально создавал его по индивидуальной мерке.

Хань Хэн коснулся лба, зевнул и попросил у Би Гэня подушку. Взвив ее, он свернулся калачиком на сиденье и провалился в глубокий, тяжелый сон.

Даже во сне его преследовал озноб. Наконец, устав бороться со стужей, Хань Хэн приоткрыл глаза. На плечах его лежало плотное шерстяное одеяло.

— Проснулись, молодой господин? — Би Гэнь тут же плеснул в чашку горячего чая.

Сун Сань осторожно принял из рук хозяина одеяло и принялся его аккуратно складывать.

— Который час? — хрипло спросил Хань Хэн, делая глоток.

Горячая влага на миг прогнала холод, но все тело нещадно ломило, а в горле словно перьев насыпали. Он негромко закашлялся и, отодвинув плотную занавеску, заглянул в мутное окно.

— Скоро совсем стемнеет, — отозвался Би Гэнь. — Не успели мы отъехать и на пол-ли, как хлынул дождь. До сих пор льет как из ведра.

В этот момент тяжелое колесо с размаху влетело в глубокую колдобину. Сильный толчок швырнул Хань Хэна обратно на сиденье, и он с глухим стуком приложился затылком о деревянную обшивку.

— Ой! — вырвалось у него.

— Молодой господин! — перепуганный Би Гэнь так и подскочил на месте.

— Живой я, живой, — поморщился Хань Хэн, потирая ушибленное место. Шишки вроде не намечалось.

Би Гэнь высунулся по пояс в окно и яростно закричал на кучера:

— Глаза разуй, олух! Хочешь угробить молодого господина?! Вернемся — лично шкуру с тебя спущу!

— И откуда в тебе... — Хань Хэн не сдержал улыбки.

— Что? — не понял слуга, оборачиваясь.

— Откуда в тебе замашки заправского злого надсмотрщика? Кто тебя только воспитывал?

Би Гэнь смущенно поскреб затылок, но все же проворчал:

— Так ведь ради вас стараюсь... Кому еще за вас вступаться? — Он украдкой глянул на хозяина. Хань Хэн не выглядел сердитым.

— Ладно уж, защитник, — кивнул Хань Хэн.

С ленивой полуулыбкой он прижал к груди теплую чашку, покачиваясь в такт мерному ходу экипажа.

Би Гэнь тем временем достал из-под сиденья тяжелый дорожный ларь, отпер его массивным ключом, а затем достал изнутри шкатулку поменьше, из резного сандала. Едва крышка приподнялась, по салону разлилось мягкое молочно-белое свечение.

— Сун Сань, давай кисейный мешочек.

Слуга бережно опустил огромную, размером с детский кулак, светящуюся жемчужину в прозрачную сеточку и повесил ее к потолочному крюку.

Мягкий свет упал на лицо Хань Хэна. В этих чистых лучах бледная маска утратила свою болезненную желтизну. Скрестив руки на груди, Хань Хэн мерно покачивал головой, убаюканный дорогой.

Би Гэнь и Сун Сань устроились напротив, собираясь вздремнуть, как вдруг тишину нарушил странный, скрежещущий звук. То был сухой, яростный зубовный скрежет.

Экипаж летел сквозь глухую ночную пустошь. Вокруг не было ни души — лишь глухой рокот колес, шлепки грязи да бесконечный шелест дождя. В этой мертвенной тишине скрежет зубов Хань Хэна звучал по-настоящему жутко, заставляя волосы на теле вставать дыбом.

Би Гэнь зажмурился, пытаясь убедить себя, что ему почудилось. Однако звук становился все громче и отчетливее. Слуга покосился на Сун Саня — тот забился в угол и крепко зажмурил глаза, то ли действительно уснув, то ли отчаянно притворяясь мертвым.

Би Гэнь нерешительно протянул руку, желая растолкать Хань Хэна — спать в таком напряжении явно не к добру. Но не успели его пальцы коснуться плеча хозяина, как Хань Хэн приоткрыл губы и глухо зашипел.

— Молодой господин, вы проснулись? — шепотом спросил перепуганный слуга.

— Ш-ш-ш... с-с-с... — лишь безжизненный свист воздуха срывался с губ.

Би Гэнь подался вперед, силясь разобрать слова.

— Закон Небес непреложен, возмездие неотвратимо. Рушатся горы, содрогается земля, но я сгорю в этом пламени без сожаления, — бесстрастно выговорил Хань Хэн.

Лицо его оставалось бледным и неподвижным, словно высеченным из камня, а голос звучал мертво, лишенный малейших человеческих интонаций. Каждое слово падало свинцовой

тяжестью, леденя кровь.

Би Гэнь застыл. Взгляд его сделался туманным, словно его опоили дурманом. Он безвольно опустился на сиденье, веки полуприкрылись, а худые, привыкшие к тяжелой работе руки медленно поднялись в воздух. Резким, кукольным движением он развернулся к Сун Саню.

В этот миг Хань Хэн резко вскинул голову и распахнул глаза. То, что он увидел, заставило его сердце пропустить удар: Би Гэнь мертвой хваткой вцепился в горло Сун Саня.

— Би Гэнь! Ты что творишь?! — рявкнул Хань Хэн.

Сун Сань, еще толком не оправившийся ото сна, хватал ртом воздух. Он в ужасе округлил глаза, но не мог издать ни звука — пальцы Би Гэня сжимали его шею с поистине безумной, нечеловеческой силой.

В панике Хань Хэн схватил стоявший рядом чайник и выплеснул остатки остывшего чая прямо в лицо обезумевшему слуге.

Ледяная влага потекла по ресницам Би Гэня, промочив ворот его рубахи. Взгляд парня постепенно прояснился. Осознав, что его пальцы сжимают горло задыхающегося Сун Саня, он в ужасе отпрянул, с размаху ударившись спиной о стенку экипажа и болезненно застонав.

— Что это было? Ты совсем умом тронулся?! — Хань Хэн подскочил к Би Гэню, бесцеремонно отвесил ему пару увесистых подзатыльников, проверяя, пришел ли тот в себя, после чего дрожащими руками налил обоим по чашке теплой воды.

Оба слуги сидели бледные как смерть, не в силах унять дрожь.

— За тобой и раньше водилась привычка бродить во сне? — нахмурился Хань Хэн.

Би Гэнь, изо всех сил сжимая пиалу побелевшими пальцами, судорожно замотал головой:

— Нет... Никогда такого не было. Может... может, привиделось чего во сне. Словно дурной морок навалился.

— А с тобой что? — Хань Хэн перевел взгляд на Сун Саня.

Тот сидел с глупым, застывшим выражением лица, испуганно глядя на хозяина.

— Я... я ничего не помню, — выдавил он пересохшими губами.

Похоже, оба были напуганы до полусмерти. Хань Хэн, чувствуя, как по спине струится холодный пот, приоткрыл внутреннюю дверь в заднюю часть кареты. Там, привалившись друг к другу, мирно похрапывали двое нанятых охранников. Он тихо прикрыл створку. В щели оконной рамы просачивался ледяной сквозняк, принося с собой запах сырой земли и осеннего дождя.

Хань Хэн потер озябшие предплечья. Глядя на дрожащих слуг, он решил не устраивать допроса. Наверное, парень просто переволновался из-за дальней дороги и его, что называется, «посетил кошмар». Сам Хань Хэн лунатизмом не страдал, но когда-то сталкивался с подобным.

В прошлой жизни, когда он еще звался Пэй Цзя и снимался в глухих горах провинции Гуйчжоу, им пришлось ночевать в палатках под проливным дождем. Посреди ночи его сосед по палатке вдруг сел в постели. Пэй Цзя подумал, что тому нужно выйти наружу, и окликнул его, но парень не ответил. Спустя десять минут Пэй Цзя повернулся на другой бок — а тот все так же сидел с открытыми глазами, неподвижный, как египетская мумия. В темноте это выглядело до безумия жутко. Наутро парень божился, что ничего не помнит, но Пэй Цзя еще долго косился на него с подозрением.

После этого происшествия сон как рукой сняло со всех троих. Они сидели молча, прислушиваясь к мерному скрипу колес.

Глядя на покачивающуюся под потолком жемчужину, Хань Хэн нарушил тишину:

— И где ты только раздобыл такую ценность?

— В нашей кладовой такого добра навалом, — слабо улыбнулся Би Гэнь. — В дороге свечи жечь неудобно, вот я и прихватил одну.

— Молодец. Голова у тебя варит, — похвалил его Хань Хэн.

— Ой, молодой господин, вам же время лекарство пить!

Хань Хэн состроил страдальческую мину:

— Оно, небось, уже ледяное. Давай подождем, пока доберемся до какого-нибудь постоянного двора и разогреем.

— Как можно! Я его в термосе держу, еще теплое.

Видя, как Би Гэнь ловко извлекает из особого, обитого войлоком ведерка обернутый тканью кувшинчик, Хань Хэн окончательно пал духом.

— Ну ты и предусмотрительный... Всё-то у тебя с собой.

Би Гэнь тихонько хмыкнул и помог хозяину выпить горькое снадобье, после чего подал воду для полоскания рта.

Приняв из рук слуги кислую засахаренную сливу, Хань Хэн зажал ее за щекой, блаженно прикрыв глаза. Медленно высасывая кисло-сладкий сок, он невольно вспомнил Чжуан Линя. Тот всегда умудрялся превратить прием лекарства в сладкую пытку: сперва сам брал в рот медовую сливу, а затем делился ею в глубоком, тягучем поцелуе. Вкус тех губ был куда слаще и желаннее этой сухой магазинной сладости.

Хань Хэн тихо, тоскливо вздохнул. Не прошло и полдня, а он уже скучал по своему принцу. И чем тот сейчас занят? Нашел ли записку? Наверное, до сих пор из дворца не вернулся.

Тоска смертная. В праздник Середины Осени Чжуан Линю снова уезжать, им так мало времени отпущено быть вместе.

Хань Хэн резко открыл глаза. Он посмотрел на Би Гэня с такой решимостью, что тот испуганно втянул голову в плечи.

— Что случилось, молодой господин?

— Послушай, — пробормотал Хань Хэн, перекатывая сливу языком, — а я могу пойти на военную службу?

Лицо Би Гэня вытянулось от изумления. Он отчаянно замахал руками:

— Господин, да вы что! Тётушка Юнь никогда не позволит, да и молодой князь Чжуан тоже! Война — это вам не шутки, там и убить могут.

— А если не в бой? Какую-нибудь штабную должность, писарем там?..

— Ох, хозяин... Вы ведь не из чиновничьего рода, да и над книгами десять лет не корпели, чтобы государственные экзамены сдавать. Кто же вас просто так к делам допустит?

Поняв, что сболтнул лишнего, Хань Хэн приторно закашлялся:

— Ну... я ведь мало что помню из прошлого. А почему я раньше не пытался сдать экзамены и получить ученую степень?

Би Гэнь замялся:

— Откуда же мне знать, молодой господин? Вы ведь... вы ведь только театром бредили, на сцене петь мечтали. Книги вас никогда не интересовали.

Парень вдруг оживился и заговорил увереннее:

— Да и к чему вам это чиновничество? По мне, так ваше купеческое дело куда лучше. Деньги текут рекой, спите спокойно, не боясь, что завтра при дворе ветер переменится и вам голову отрубят. Мы вон благодаря вам сыты-обуты, горя не знаем. Что еще для счастья надо?

В его словах была доля истины. В древние времена карьера чиновника действительно висела на волоске: один неверный шаг — и прощайся с головой. Куда безопаснее вести дела, имея за спиной такую надежную опору, как Чжуан Лин. Начальный капитал у него есть, а когда они вернутся, он хорошенько подумает, как пустить в оборот долю прибыли от Башни Слушания Лебедей.

Пока Хань Хэн строил в уме грандиозные планы на будущее, экипаж внезапно замер. Наступила тишина.

Прошло несколько минут, но повозка так и не тронулась с места.

Переглянувшись со слугами, Хань Хэн приоткрыл дверцу. Прямо перед ними, отчетливо видимый в бледном свете подвешенного жемчуга, застыл кучер с неестественно прямой, словно одеревеневшей спиной.

Би Гэнь недовольно крикнул:

— Эй, ты чего встал? Опять лень одолела? Вот погоди, вернемся, я всё тётушке Юнь расскажу!..

Он не успел договорить. Во тьме хищно блеснула сталь.

Карету плотным кольцом обступили безмолвные фигуры. Насквозь промокшие под дождем люди в черных одеждах сжимали в руках обнаженные клинки, направленные прямо в грудь пассажирам.

Прежде чем Хань Хэн успел сообразить, что делать, из темноты раздался до боли знакомый, хрипловатый голос:

— Господин, прошу вас, выходите из кареты.

В неверный круг жемчужного света медленно шагнул старина Чжу. На его иссеченном морщинами лице не было и следа прежнего добродушия.

<http://bllate.org/book/20487/2245417>